

Ю. Е. Березкин<https://orcid.org/0000-0001-6001-7339>✉ berezkin1@gmail.com

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

О ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАБОРОВ ЕВРАЗИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ

Аннотация. В статье оценивается степень сходства региональных наборов мотивов юго-западной половины Евразии друг с другом и с мотивами античных источников. К анализу привлечены приключенческие эпизоды, повествовательные клише и фантастические образы, встречающиеся в мифологической прозе, героическом эпосе и волшебной сказке. На Балканах практически все мотивы античных источников имеют соответствия в позднем фольклоре, но от общего числа западноевразийских мотивов рассматриваемых категорий античные соответствия составляют менее пятой части. Остальное приходится на вероятные заимствования из Центральной Азии, с Ближнего Востока — Ирана — Индии и на мотивы, возникшие в самой Европе. Роль в этом процессе ранних традиций, не отраженных в письменных памятниках, дискусионна. Славянские традиции Восточной Европы намного ближе западноевропейским, чем тюрко-монгольским. Процесс обогащения западноевразийского фольклора шел по мере роста плотности населения, интенсификации контактов между группами и появления жанров фольклора, утративших связь с конкретной этнической основой и установки на достоверность. В отношении числа зарегистрированных мотивов традиции, локализованные от Эгеиды до Восточной Прибалтики, представляют мировой максимум.

Ключевые слова: устные традиции, большие данные в гуманитарных науках, фольклорные указатели, Стит Томпсон, происхождение фольклорных сюжетов, античное наследие в европейском фольклоре, восточные заимствования в европейском фольклоре

Благодарности. Благодарю Е. В. Коровину за критически важную помощь в обработке данных, Я. В. Василькова за обмен мнениями и важную информацию, Е. Н. Дувакина — соавтора по Аналитическому каталогу фольклора и мифологии мира, обеспечившего в том числе перевод и анализ античных источников, и, наконец, рецензентов за справедливую критику.

Для цитирования: Березкин Ю. Е. О формировании региональных наборов евразийских фольклорных мотивов // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 283–307. EDN: OOTENX.

Поступило 1 марта 2025 г.; принято 16 марта 2026 г.

Yu. E. Berezkin

<https://orcid.org/0000-0001-6001-7339>

✉ berezkin1@gmail.com

*Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg)*

ON THE QUESTION OF THE GENESIS OF REGIONAL CLUSTERS OF FOLKLORE MOTIFS IN EURASIA

Abstract. The article assesses the degree of similarity between regional sets of motifs in the southwestern half of Eurasia with each other and with motifs from ancient (mostly Greek) sources. The analysis includes adventure episodes, narrative clichés and fantastic images found in mythological prose, heroic epics and fairy tales. In the Balkans, almost all motifs from ancient sources have correspondences in late folklore, but ancient correspondences make up less than a fifth of the total number of Western Eurasian motifs in the categories of tales under consideration. The rest are likely borrowings from Central Asia, the Near East — Iran — India and motifs that arose in Europe itself. The role of early traditions not reflected in written sources and located to the north of the Aegean is debatable. Slavic traditions of Eastern Europe are much closer to Western European ones than to Turkic-Mongol traditions. The process of enrichment of Western Eurasian folklore took place as population density increased, contacts between groups intensified, and genres of folklore emerged that had lost their connection with a specific ethnic basis and their focus on authenticity. In terms of the number of registered motifs, the traditions localized from the Aegean to the Eastern Baltic represent the world maximum.

Keywords: oral traditions, big data in the humanities, folklore indices, Stith Thompson, origin of folklore plots, ancient heritage in European folklore, Oriental influences in European folklore

Acknowledgments. I am grateful to E. V. Korovina for her crucially important help in processing statistical data, Ya. V. Vassilkov for exchange of opinions and information, and E. N. Duvakin as the coauthor of the Analytical Catalogue of World Mythology and Folklore who secures the translation and analysis of the Antique sources. Last but not least, I thank the anonymous readers for their unbiased critique.

To cite this article: Berezkin, Yu. E. (2026). On the question of the genesis of regional clusters of folklore motifs in Eurasia. *Shagi / Steps*, 12(2), 283–307. EDN: OOTEHX. (In Russian).

Received March 1, 2025; accepted March 16, 2026

Используемые аналитические единицы и предмет исследования

В статье оценивается степень сходства региональных наборов мотивов юго-западной половины Евразии друг с другом и с набором мотивов в античных источниках. Цель автора — представить первые результаты обработки региональных совокупностей фольклорных мотивов и по возможности наметить пути распространения подверженных репликации элементов повествований. Методика работы описывалась в других статьях, но будет нелишне повторить уже сказанное.

Главной аналитической единицей является «мотив». Для нас это любой эпизод или образ (реже числовая константа, словесное клише, а также любые характеристики персонажей), которые обнаружены в двух или более традициях. «Традиция» есть совокупность текстов, зафиксированных у представителей определенной языковой общности или в пределах определенной территории. В выбранной системе обозначений «традиция» — это не народ, язык, диалект, историческая преемственность, а ограниченная формальными критериями совокупность нарративов или описаний; еще точнее — совокупность осознанных аналитиком содержащихся в нарративах и описаниях особенностей, которые ему уже где-то встречались и запомнились. Именно эти особенности и есть мотивы. Их число и определения зависят от кругозора аналитика. По мере того как он расширяется, число учтенных мотивов растет, а определения корректируются.

Определения должны быть составлены с условием, что все заявленные особенности содержатся во всех текстах, в которых мотив считается присутствующим. Классифицировать элементы, похожие только частично, невозможно. Желательно, чтобы определения были краткими. Включая в них больше подробностей, мы сокращаем число традиций, в которых мотив признан присутствующим, и сужаем территорию его распространения. Лаконичность определений расширяет круг привлекаемых текстов и ареалы встречаемости мотивов, но снижает специфичность параллелей. Иногда это позволяет выявить процессы, более удаленные от нас во времени, но последнее зависит и от других факторов.

Корректность определения проверяется распределением мотивов по традициям. Если оно хаотично, то при статистической обработке безосновательно выделенный мотив будет лишь создавать информационный шум. Если же распределение мотива не хаотично (на одной территории он встречается чаще, а на другой реже или отсутствует), этот факт не может не нести информацию о причинах подобной неравномерности.

Не существует критериев, позволяющих уверенно отделить случаи параллельного независимого возникновения одинаковых черт культуры от тех, которые обусловлены влиянием одних культур на другие. Речь всегда идет о большей или меньшей вероятности того или другого процесса. Для каждого отдельного случая оценить ее сложно. Однако при работе с сотнями мотивов в их совокупном распределении проявляются статистические тенденции, объяснить которые и является нашей задачей. Чем спе-

цифичнее мотивы и чем меньше сомнений в соответствии определений содержанию текстов, тем тенденции четче. Что касается исторических объяснений, то их убедительность зависит от поддержки данными других дисциплин. По мере накопления материала и расширения знаний о прошлом необъяснимых тенденций становится меньше.

«Сюжет» не является для нас термином, хотя иногда это слово удобно использовать. Что же касается сюжетных типов, то они не являются полноценными репликаторами.

Создатели международного сюжетного указателя и всех его региональных версий не предполагали, насколько я знаю, использовать соответствующие аналитические единицы для оценки интенсивности связей между традициями. Многие сюжеты AaTh/ATU [Aarne 1928; Aarne, Thompson 1964; Uther 2004] состоят из дискретных эпизодов, которые не всегда обязательны для соответствующего сюжета и не всегда встречаются только в нем. Копирование длинных фабульных цепочек наверняка возможно, но его трудно проследить, и такая цель редко (если вообще) ставилась. В публикациях тексты, заявленные как односюжетные, при сравнении оригиналов обязательно различаются — порой сильно. Многие определения сюжетов ATU настолько пространны, что их полное соответствие конкретным текстам возможно лишь как исключение. Этот дефект (для специалистов с другими взглядами дефектом, может быть, не являющийся) стал особенно непреодолимым после ревизии указателя, осуществленной под редакцией Х.-Й. Утера. Так, описание сюжета 408 *The Tree Oranges* занимает почти страницу текста, ориентируясь на публикации, в которых тема, с точки зрения составителя, раскрыта наиболее полно. Но, несмотря на все оговорки (например, вместо апельсинов могут быть лимоны, другие плоды и пр.), описание все равно не учитывает всех вариантов, зато включает эпизоды, которые для фабулы не специфичны, но используются в разном контексте.

Понимая условность подобной метафоры, я бы сказал, что в идеологии ATU сюжетные типы мыслятся дискретными сущностями, тогда как это скорее волны, гребень которых хорошо виден, но подножье сливается с подножьем других волн. Еще вернее видеть здесь интерференцию многих волн, распространяющихся в разных направлениях. Рассказчик в норме хорошо различает тексты из своего репертуара, но, чтобы усреднить сюжеты, представленные в разных традициях, надо сперва указать пределы, после которых сюжет перестает считаться самоидентифицируемым.

Показателен сюжет ATU 301 *The Tree Stolen Princesses* («Три подземных царства» по СУС). В ATU его описание занимает почти страницу, но эпизод помощи героя птенцам гигантской птицы, которая в ответ помогает герою, не упомянут. В Восточной Европе и в Азии вплоть до Бурятии и Тибета этот эпизод — один из важнейших в повествованиях, но в Центральной Европе очень редок, а на севере и западе континента вообще неизвестен. С другой стороны, историю помощи героя птенцам могучей птицы можно обнаружить не только в сказках типа 301, но и в других ев-

разийских сюжетах, а в несказочных текстах — в Америке, в основном на Равнинах [Васильев и др. 2015: 388–389]. Это значит, что, описывая сюжеты, авторы ATU не считали нужным проверять реальную встречаемость эпизодов в повествованиях, на которые дана ссылка.

Как известно, основу классификации сюжетов создал А. Аарне, обобщив накопленные к началу XX в. сведения о европейских и восточных (арабских, персидских, индийских) сказках [Aarne 1910]. Однако в устных традициях некоторых регионов, и в частности в Новом Свете, сказок нет и жанровые деления отсутствуют как таковые. Для подобного материала Ф. Боас еще в 1890-е годы создал собственную систему классификации, основанную на выделении эпизодов того типа, которые сейчас выделяем мы [Березкин 2024: 10; Boas 1895; 2002: 635–662]. Сделал он это, пытаясь определить интенсивность связей между некоторыми племенными традициями. Ученики и коллеги Боаса продолжили эту работу [Kroeber 1908; Lowie 1908a; 1908b], но затем она была свернута, а для самого Боаса никогда не являлась приоритетной. Между тем его принцип классификации применим к любому не авторскому повествовательному материалу, тогда как система Аарне — Томпсона — Утера — только к сказочному, да и то с оговорками.

С античными и древневосточными текстами ситуация особая. Там, безусловно, встречаются многие эпизоды, характерные также и для евразийских волшебных сказок. Примером служит хотя бы шумерская поэма о приключениях царя Лугальбанды [Березкин 2023]. Однако некоторые древние тексты содержат не только соответствующие эпизоды, но и многоходовые повествования, которые в значительной мере следуют схеме, созданной В. Я. Проплом для волшебной сказки, хотя не всегда заканчиваются безоговорочным торжеством героя. Таковы древнеегипетская «Сказка о двух братьях», истории ветхозаветного Иосифа, Самсона и Далилы, Персея и Андромеды, эпопея похищения Ясоном золотого руна и его отношений с Медеей, история Наля и Дамаянти из «Махабхараты» и др. [Васильков 1987; Зайцев 1984; Thompson 1946: 272–282 (в статьях Я. В. Василькова и А. И. Зайцева обширная библиография по теме)]. В отношении структуры и содержания такие тексты сказку в той или иной степени напоминают, но в жанровом отношении от нее отличаются. Некоторые явно предполагают установку на достоверность, о других в этом смысле трудно судить. Неизвестно, когда именно возникла волшебная сказка как жанр — вероятно, еще в античности, но трудно определить, когда ее сюжеты широко распространились в народной крестьянской среде. Я не хотел бы углубляться в эту тему, поскольку к данной статье она имеет косвенное отношение.

Как уже было сказано, речь сейчас идет всего лишь о формальном подсчете одинаковых элементов в разных традициях с целью определить, в какой степени совпадают или различаются их наборы. Подобная задача никогда не ставилась, и приступить к ее решению стало возможно лишь после создания базы данных фольклора и мифологии мира. Многие ла-

куны в наших данных о евразийских устных традициях были в последние годы заполнены, и в каталог [Березкин, Дувакин б. д.] включено порядка 10 000 дополнительных текстовых резюме. Поэтому, хотя количество эпизодов, зарегистрированных в отдельных традициях и регионах, и далее будет расти, полученные сейчас процентные соотношения вряд ли сильно изменятся.

Определив единицы репликации, наборы которых мы сравниваем, отметим, что в статье рассматривается не вся совокупность учтенных в нашем каталоге мотивов, а лишь три их тематические группы, характерные для мифологической прозы, героического эпоса и волшебной сказки. Это приключенческие эпизоды, формулы (повествовательные клише) и, наконец, образы разного рода фантастических существ, объектов и локусов. Эпизоды и образы, связанные с космогонией, этиологией и представлениями о мире, равно как и трикстерские эпизоды, используемые главным образом в сказках о животных, бытовых сказках, анекдотах и сказках о глупом черте, из рассмотрения исключены.

Причина исключения части материала из выборки в следующем. Опыт отдельной статистической обработки приключенческих, трикстерских и космологических/этиологических мотивов показал, что мотивы разных тематических категорий имеют разное ареальное распространение. Например, космологические мотивы связывают Кавказ с Европой, а приключенческие — с Центральной Азией [Березкин 2015b; Berezkin 2016]. Скорее всего, это значит, что распространение мотивов разных категорий происходило в разное время и разными путями. Установление, так это или нет, требует дальнейшей проверки, но при наличии достаточно обширного материала его тематическое сужение увеличивает надежность статистики.

Между тематической классификацией мотивов и жанровыми делениями текстов, из которых они выделены, нет стопроцентного соответствия. Не существует категорического запрета на использование того или иного мотива в любом тексте, но статистику определяют не исключения, а основные тенденции. В данном случае важно, что хотя для фольклора основной территории Евразии характерны жанровые различия, приключенческие мотивы, фантастические образы и клише используются как в текстах с установкой на достоверность, так и в не имеющих таковой, но при этом не в анекдотах и не в сказке о животных.

Может возникнуть вопрос относительно правомочности совместной обработки повествовательных эпизодов и образов фантастических существ, локусов и т. п. Возьмем для примера образ земли, стоящей на рыбе, трех китах и т. п., в русской «народной Библии» [Белова 2004: 210–211], и вызывающего землетрясения японского подземного сома (наш мотив i50 [Березкин, Дувакин б. д.]). В Европе и Передней Азии такого рода представления не имеют соответствий в древних источниках, а в Восточной Азии — имеют [Березкин 2015a]. При этом сами образы у десятков народов Евразии сходны, а их отсутствие на северо-востоке Азии и в Но-

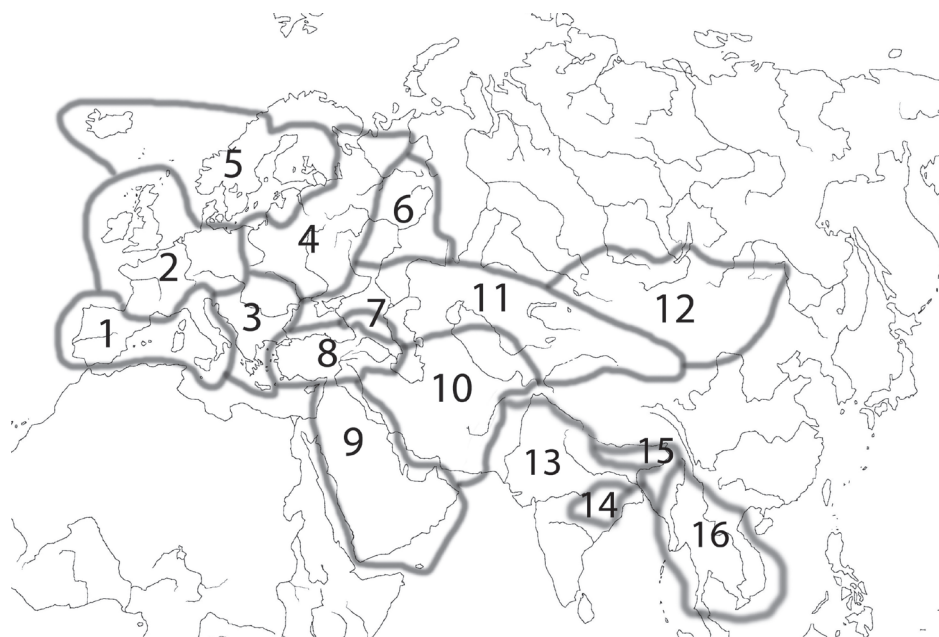
вом Свете (кроме нутка острова Ванкувер) исключает предположение о многократном независимом возникновении или о палеолитической древности. Следовательно, на западе Евразии этот мотив распространился недавно и быстро, что сходно с вероятной моделью распространения сказочных эпизодов и образов. Другой пример — наш мотив «Пасть до неба» (L90): одна губа (один клык, рог и т. п.) существа достигает неба, другая волочится по земле. Он часто встречается в волшебных сказках и героическом эпосе, но у юкагиров, нивхов или айнов использован в текстах без определенной жанровой принадлежности, а в Угарите связан с высокой мифологией. Такого рода мотивы, равно характерные как для сказочных текстов, так и для «мифов» *sensu stricto*, имеет смысл обрабатывать вместе с мотивами обеих этих категорий.

Что касается клише, то они явно поздние. Клише нет в Новом Свете, где, насколько известно, вообще не зафиксирована практика дословного воспроизведения каких-либо текстов. Возможные редкие исключения касаются лишь эскимосов и атапасков, т. е. носителей языков, проникших в Америку позже основной массы индейцев. В норме клише есть просто устойчивые сравнения и обороты («О том, что пришла зима, узнавали по инею, о том, что пришло лето, узнавали по теплему дождю» [Дыренкова 1940: 55] — способ показать, что борьба героев продолжалась не один год; наш мотив n5). Однако когда в «Видении Гюльви» среди других отсутствующих сущностей упомянуты «корни гор» [Младшая Эдда 1970: 31–32], то здесь речь может идти и о следах каких-то мифологических представлений. В поздних традициях «корни» в основном фигурируют в пословицах и загадках (мотив n28a).

Античные параллели в поздних региональных традициях

Судя по данным нашего электронного каталога [Березкин, Дувакин б. д.] и суммирующей его содержание корреляционной таблицы, приключенческие мотивы и образы фантастических существ составляют 45% от 2485 мотивов, учтенных на данный момент для континентальной Евразии. Повествовательные клише составляют немногим более 1% и отсутствуют не только в Америке, но и на большей части Африки, кроме Северной. Исключение составляет мотив n3 («Голодные пальцы»). Он известен южнее Сахары, но включен в данную группу условно и скорее близок некоторым мотивам, относимым по жанру — опять-таки условно — к сказкам о животных, в частности АТУ 293 («Спор живота с прочими органами»).

В Северной Америке на долю приключенческих эпизодов и фантастических образов приходится 48% от 1232 мотивов, а в Южной — 40% от 925 мотивов. При этом в античных источниках из 318 выделенных на данный момент мотивов к категориям приключенческих эпизодов, формул и фантастических образов относится 145 (45,6%), в том числе на долю формул приходится около 1%. Похоже, что в отношении тематического состава мотивов античная традиция от поздних европейских не отличается.

Ил. 1. Регионы, выделенные для сравнения наборов мотивов

- 1. Южная Европа** — 13 традиций, 518 мотивов. **2. Западная Европа** — 16 традиций, 588 мотивов. **3. Карпато-Балканы** — 10 традиций, 696 мотивов. **4. Средняя Европа** (восточные славяне, поляки, словаки) — 15 традиций, 695 мотивов. **5. Северная Европа** (скандинавы, балты, прибалтийские финны) — 16 традиций, 687 мотивов. **6. Волго-камский регион** — 7 традиций, 596 мотивов. **7. Северный Кавказ** — 19 традиций, 639 мотивов. **8. Малая Азия и Южный Кавказ** — 9 традиций, 608 мотивов.
- 9. Передняя Азия** (в основном арабы) — 10 традиций, 383 мотива. **10. Иран и Средняя Азия** — 17 традиций, 511 мотивов. **11. Туркестан** — 7 традиций, 434 мотива.
- 12. Южная Сибирь и Монголия** — 18 традиций, 492 мотива. **13. Южная Азия** (крупные индоарийские и дравидские народы; индийская письменная традиция) — 20 традиций, 425 мотивов. **14. Средняя Индия** (небольшие неиндуистские народы, в основном мунда- и дравидоязычные) — 14 традиций, 218 мотивов. **15. Северо-восток Южной Азии** (в основном тибето-бирманцы) — 14 традиций, 279 мотивов. **16. Бирма и континентальная Юго-Восточная Азия** — 19 традиций, 240 мотивов

Fig. 1. Regions selected for comparison of sets of motifs

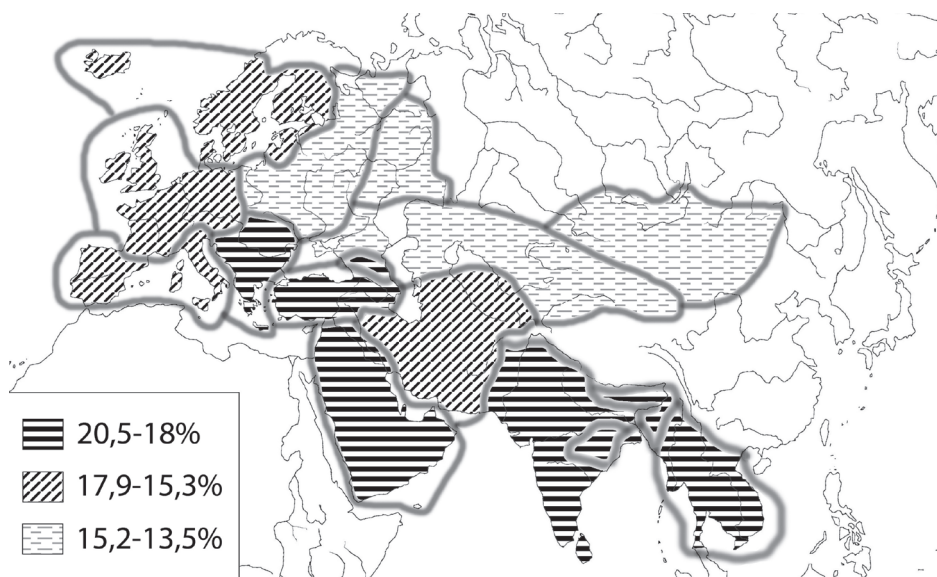
- 1. Southern Europe** — 13 traditions, 518 motifs. **2. Western Europe** — 16 traditions, 588 motifs. **3. Carpathians and the Balkans** — 10 traditions, 696 motifs. **4. Middle Europe** (Eastern Slavs, Poles, Slovaks) — 15 traditions, 695 motifs. **5. Northern Europe** (Scandinavians, Balts, Baltic Finns) — 16 traditions, 687 motifs. **6. Middle Volga and Kama region** — 7 traditions, 596 motifs. **7. Northern Caucasus** — 19 traditions, 639 motifs. **8. Asia Minor and Southern Caucasus** — 9 traditions, 608 motifs. **9. Near East** (mostly Arabs) — 10 traditions, 383 motifs. **10. Iran and Central Asia** — 17 traditions, 511 motifs. **11. Turkestan** — 7 traditions, 434 motifs.
- 12. Southern Siberia and Mongolia** — 18 traditions, 492 motifs. **13. Southern Asia** (major Indo-Aryan and Dravidian peoples; Indian literary tradition) — 20 traditions, 425 motifs. **14. Middle India** (small "tribal" peoples, mostly speaking Munda and Dravidian languages) — 14 traditions, 218 motifs. **15. Northeast India** (mostly groups speaking Tibeto-Burman languages) — 14 traditions, 279 motifs. **16. Myanmar and continental Southeast Asia** — 19 traditions, 240 motifs

Для оценки роли античного наследия традиции были сгруппированы по крупным регионам. Границы проведены с учетом сходства и различия языков и культур, хотя строго соблюсти это правило невозможно. Традиции, представленные в источниках малым числом мотивов, а также занимающие пограничное положение между выделенными регионами или географически обособленные (лужичане, гагаузы, трансильванские саксы, крымские татары, калмыки, терские казаки, буриши и некоторые другие), не учитывались. При огромном объеме данных добавление нескольких традиций или их исключение на результатах практически не отражается. Рассматривались лишь регионы юго-западной половины Евразии. Север Фенноскандии (саамы), Западная и Восточная Сибирь, Восточная и островная Юго-Восточная Азия (ЮВА), а также Тибет в выборку включены не были. Тибет исключен из-за его связей с Китаем, учет которых внес бы дополнительные возмущения и в без того непростую картину межрегиональных соответствий. Такие связи есть и в традициях ЮВА, но с привлечением к анализу не одного, а двух соответствующих регионов (Тибета и ЮВА), картина оказалась бы слишком сложной.

Всего выделено 16 регионов, различающихся размерами территории, но сопоставимых по числу учтенных традиций и зарегистрированных мотивов (ил. 1).

Сравним эти данные со сведениями из античных (в основном древнегреческих) источников, в которых выделено 145 мотивов интересующих нас групп. После подсчета доли мотивов позднего фольклора, имеющих соответствия в античных данных, регионы разделились на категории с относительно высоким (20,4–18,3%), средним (17,2–15,3%) и низким (15,1–13,8%) процентом подобных совпадений. Границы между категориями проведены, разумеется, так, чтобы в каждую по возможности попадали географически близкие регионы. Сдвинув границы хотя бы на 0,5%, мы получим менее наглядную картину, чем представленная на ил. 2, но существо дела от этого не меняется. Ясно, что набор мотивов в античных текстах обнаруживает наиболее сильные связи не только с поздним фольклором Балкан и Передней Азии, но и с югом Евразии, менее сильные — с Западной и Южной Европой и Кавказом, а наиболее слабые — с Восточной Европой и Центральной Азией (ил. 2).

Хотя доли совпадающих мотивов по регионам различаются, они все же очень близки, и это объяснимо. Мотивы устных традиций способны пересекать этноязыковые границы тем легче, чем менее они связаны с актуальными верованиями, характерными для небольших обществ, и чем выше плотность населения, способствующая контактам между людьми. В данном случае рассматриваются процессы, имевшие место, начиная с эпохи эллинизма. Взрывное усиление трансевразийских связей в этот период должно было привести к своего рода фольклорной энтропии. Внимания достойно поэтому не сходство региональных наборов мотивов, а сохраняющиеся между ними различия.

Ил. 2. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в античных источниках. Юго-Восточная Азия — 20,4%, Карпато-Балканы — 20,3%, северо-восток Южной Азии — 20,1%, запад Южной Азии — 19,3%, Передняя Азия — 18,5%, Средняя Индия — 18,3%, Южная Европа — 17,2%, Западная Европа — 17,2%, Малая Азия и Южный Кавказ — 16,1%, Северный Кавказ — 16%, Северная Европа — 16%, Иран и Средняя Азия — 15,3%, Средняя Европа — 15,1%, Южная Сибирь и Монголия — 15%, волго-камский регион — 14,9%, Туркестан — 13,8%

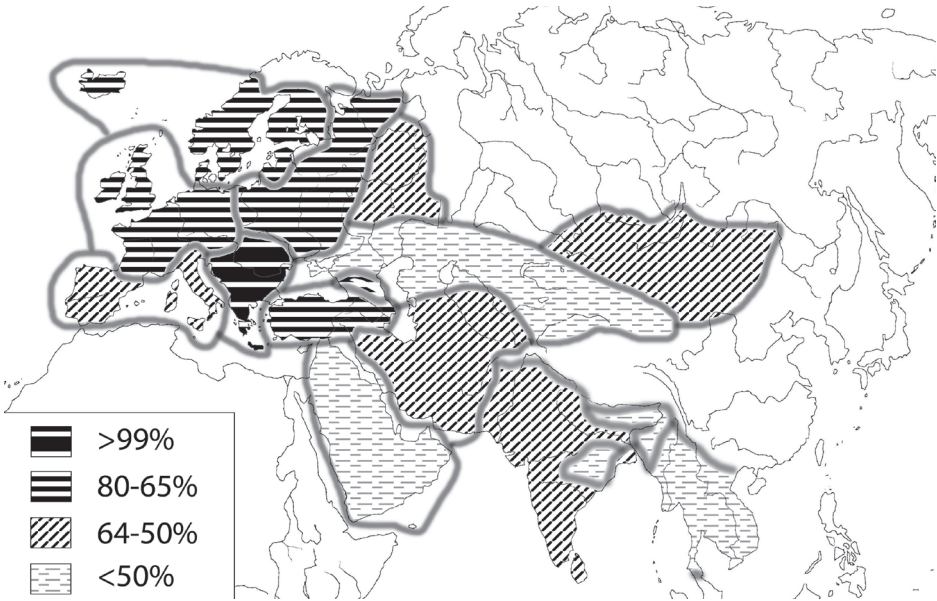
Fig. 2. Percent of motifs with correspondences in Antique sources in selected regions. Myanmar and Southeast Asia — 20,4%, Carpathians and the Balkans — 20,3%, Northeast India — 20,1%, Western South Asia — 19,3%, Near East — 18,5%, Middle India — 18,3%, Southern Europe — 17,2%, Western Europe — 17,2%, Asia Minor and Southern Caucasus — 16,1%, Northern Caucasus — 16%, Northern Europe — 16%, Iran and Central Asia — 15,3%, Middle Europe — 15,1%, Southern Siberia and Mongolia — 15%, Middle Volga and Kama — 14,9%, Turkestan — 13,8%

Наличие в региональных наборах мотивов античных соответствий не означает, что все совпадения вызваны распространившимся по Евразии античным наследием. Античная традиция — единственная из древних, для которой мы располагаем полноценными источниками. Сопоставимый материал есть только по Южной Азии, однако там он представляет собой сложный конгломерат наслоений от раннего железного века до позднего Средневековья, в котором трудно выделить временные пласты и ареальные комплексы. В любом случае это задача индологов. На основании данных, отраженных на ил. 2, можно лишь утверждать, что ближе всего к античной традиции наборы мотивов в южных регионах вплоть до удаленной от Средиземноморья Юго-Восточной Азии, тогда как для Южной, Западной и Северной Европы число совпадений ниже. Время формирования подобной картины неизвестно. В эпоху античности контакты Рима с Юго-Восточной Азией (культура окео) засвидетельствованы ар-

хеологией и письменной историей [Nanus, Smagug 2020]. О ситуации до похода Александра трудно судить.

Контакты между Средиземноморьем и Южной Азией в основном должны были идти через Иран. Поэтому пониженное число античных совпадений в ирано-среднеазиатском регионе проще всего объяснять поздним центральноазиатским влиянием. Именно степные традиции содержат меньше всего совпадений с античным набором мотивов, и добавление мотивов, которые характерны для Великой Степи, соответственно понижает процент остальных.

Определим теперь отношение числа соответствий античным мотивам в поздних региональных традициях к общему числу рассматриваемых мотивов в античных источниках (ил. 3). Какая часть античных эпизодов и образов оказалась использована в поздних региональных традициях?

Ил. 3. Доля мотивов в античных источниках, имеющих соответствия в региональных традициях. Карпато-Балканы — 99,3%, Северная Европа — 75,9%, Средняя Европа — 72,9%, Северный Кавказ — 70%, Западная Европа — 69,7%, Малая Азия и Южный Кавказ — 67,7%, волго-камский регион — 61,4%, Южная Европа — 61%, Южная Сибирь и Монголия — 57%, Южная Азия — 56,6%, Иран и Средняя Азия — 53,8%, Туркестан — 41,4%, северо-восток Южной Азии — 38,6%, Передняя Азия — 37,2%, Юго-Восточная Азия — 33,8%, Средняя Индия — 27,6%

Fig. 3. Percent of motifs registered in Antique sources with correspondences in selected regions. Carpathians and the Balkans — 99,3%, Northern Europe — 75,9%, Middle Europe — 72,9%, Northern Caucasus — 70%, Western Europe — 69,7%, Asia Minor and Southern Caucasus — 67,7%, Middle Volga and Kama — 61,4%, Southern Europe — 61%, Southern Siberia and Mongolia — 57%, South Asia — 56,6%, Iran and Central Asia — 53,8%, Turkestan — 41,4%, South Asian Northeast — 38,6%, Near East — 37,2%, Myanmar and Southeast Asia — 33,8%, Middle India — 27,6%

В поздних традициях основной части Малой Азии, Кавказа, а также Центральной, Западной и Северной Европы содержится более 65% тех мотивов, которые известны по античным источникам. Для Балкан эта доля приближается к 100%. Как известно, некоторые античные сюжеты, вроде «Эдипа» или истории встречи Одиссея и Полифема, в европейском фольклоре встречаются в форме, довольно близкой к зафиксированной в древних источниках. Вместе с тем большинство античных повествований подобных параллелей не имеет. Это значит, что в позднем фольклоре в основном сохранились не целостные сюжеты, а использованные в них эпизоды и образы, которые встраивались в другой контекст. И если для Балкан речь, скорее всего, идет именно об античном наследии, то в случае с более удаленными регионами, такими как Кавказ или Северная Европа, корректнее говорить не о наследии, а о соответствии. Наличие мотива мести за смерть отца у Саксона Грамматика (шекспировский «Гамлет») и в «Орестее» Эсхила или же мотива переданного открыто тайного послания в поздних евразийских текстах, с одной стороны [Berezkin, Duvakin 2016], и в истории Проклы и Филомелы у Псевдо-Аполлодора и Гигина, с другой, тоже должно быть обусловлено обменом информацией между людьми. Однако происходил такой обмен не только в Средние века, но и раньше. Близость древних мифологий Кавказа и Эгеиды явно отражает ситуацию, предшествующую классической древности [Дувакин 2018].

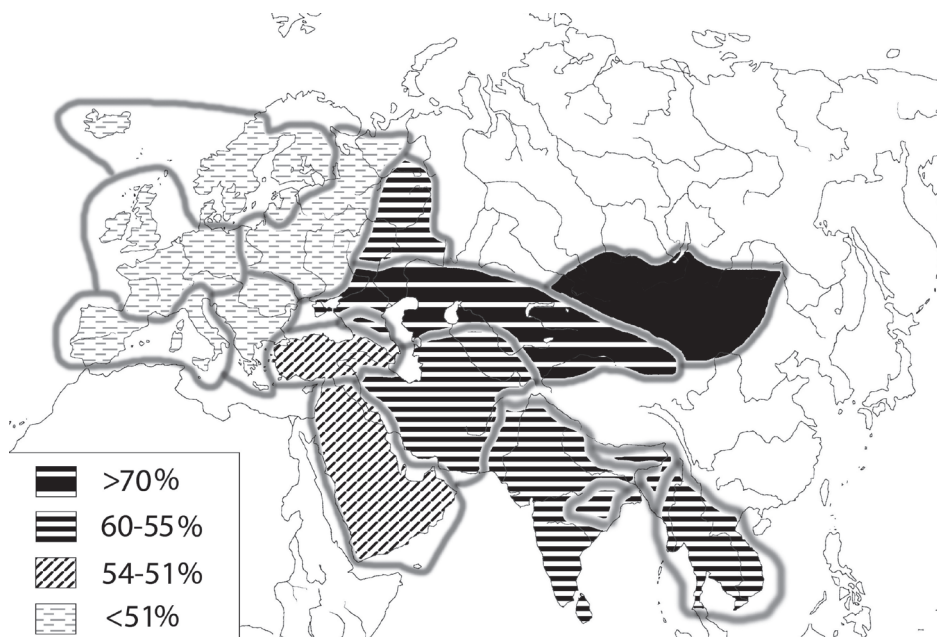
В целом разница в степени близости поздних региональных наборов мотивов с античным набором, оцененная двумя разными способами (ил. 2 и 3), может отражать процессы разного времени. Ил. 3 — античное влияние на христианский мир в средневековье, распространявшееся в том числе или даже в основном через письменные тексты. Ил. 2 — информационный обмен между ранними цивилизациями от Средиземноморья до Юго-Восточной Азии.

Сходство и различия между поздними региональными традициями

Вернемся к распределению на ил. 2 и обратимся к главному вопросу. В поздних региональных наборах мотивов содержится от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{7}$ числа эпизодов и образов, известных по античным источникам. Каково же происхождение остальных?

Первое предположение — все пришло из Центральной Азии. Чтобы оценить возможную роль центральноазиатского компонента, подсчитаем процент совпадений между мотивами, выделенными в южносибирских и монгольских традициях, и мотивами из других регионов (ил. 4).

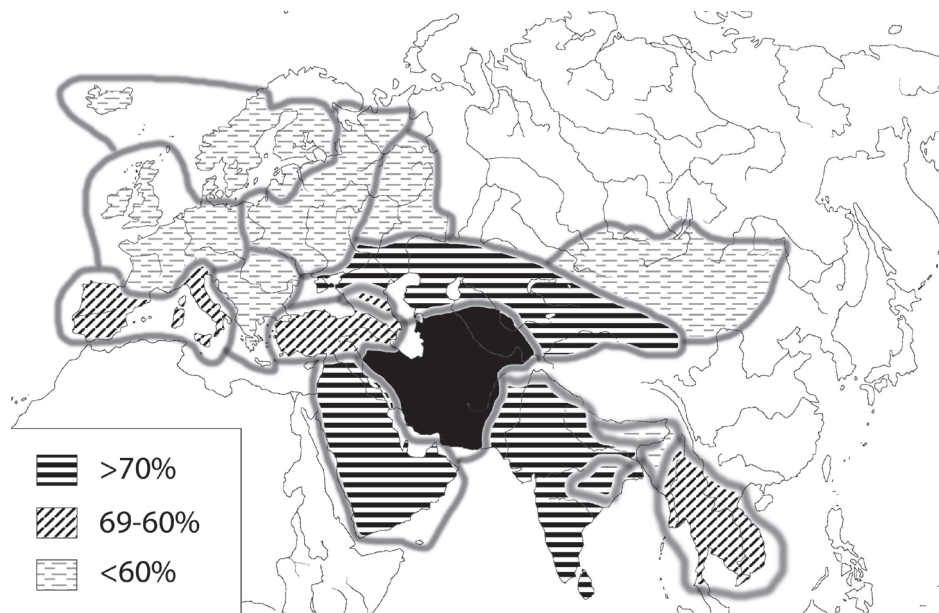
Видно, что доля центральноазиатских соответствий по регионам намного больше доли соответствующих античных параллелей, которая не превышала 20%. Туркестан в данном случае представляет собой прямое продолжение южносибирско-монгольского региона, резко выделяясь среди остальных значительным числом соответствующих параллелей (71%). Прочие регионы группируются в два главных кластера, которые можно назвать европейским и азиатским. При этом Малая и Передняя Азия несколько ближе к «Европе», а волго-камский регион — к «Азии».

Ил. 4. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в Южной Сибири и Центральной Азии. Туркестан — 71%, северо-восток Южной Азии — 59,5%, волго-камский регион — 57,7%, Иран и Средняя Азия — 57,1%, Юго-Восточная Азия — 57,1%, Южная Азия — 56,7%, Средняя Индия — 55,5%, Северный Кавказ — 55,7%, Малая Азия и Южный Кавказ — 53%, Передняя Азия — 52,2%, Северная Европа — 50,8%, Западная Европа — 48,1%, Средняя Европа — 47,9%, Южная Европа — 47%, Карпато-Балканы — 46,8%

Ил. 4. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in Southern Siberia and Mongolia. Turkestan — 71%, Northeast India — 59,5%, Middle Volga and Kama — 57,7%, Iran and Central Asia — 57,1%, Myanmar and Southeast Asia — 57,1%, South Asia — 56,7%, Middle India — 55,5%, Northern Caucasus — 55,7%, Asia Minor and Southern Caucasus — 53%, Near East — 52,2%, Northern Europe — 50,8%, Western Europe — 48,1%, Middle Europe — 47,9%, Southern Europe — 47%, Carpathians and the Balkans — 46,8%

Обращают на себя внимание две тенденции. Прежде всего это высокий процент центральноазиатских совпадений в Южной и Юго-Восточной Азии. Весьма вероятно, что дело не в монгольском влиянии на Индию, а в индийском — на Монголию, но статистически отделить одно от другого нельзя. Далее, удивляет не столько несколько повышенный процент центральноазиатских совпадений в Северной Европе, сколько низкий в Средней Европе (восточные славяне, поляки, словаки). Чтобы оценить этот факт, рассмотрим другой потенциальный источник, обогативший фольклор Европы, — индоиранский. Поскольку индийские мотивы могли достигать Европы в основном через иранское посредство, в качестве референтного выберем именно ирано-среднеазиатский регион (ил. 5).

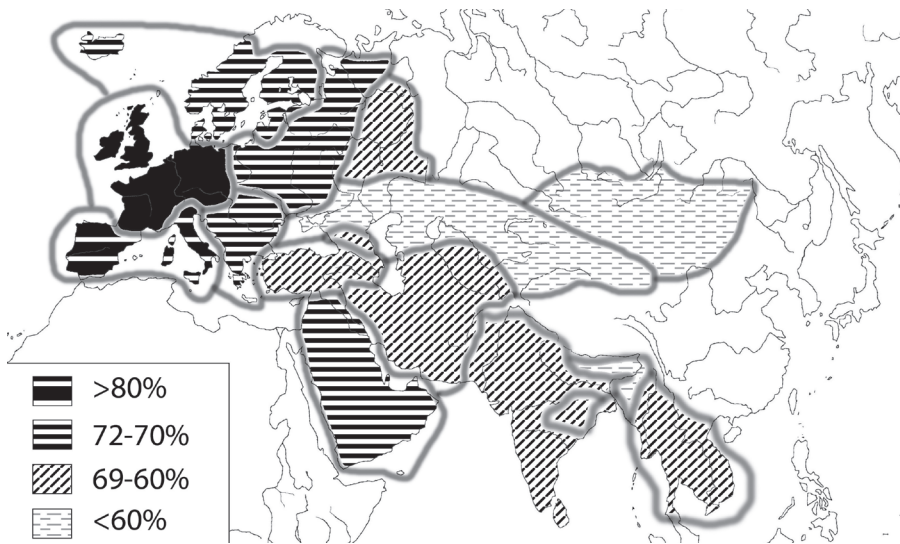
Ил. 5. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в Иране и Средней Азии. Передняя Азия — 76,2%, Туркестан — 73,5%, Средняя Индия — 70,2%, Южная Азия — 70,1%, Малая Азия и Южный Кавказ — 68,9%, Юго-Восточная Азия — 65,8%, Северный Кавказ — 64,8%, Южная Европа — 63,1%, Южная Сибирь и Монголия — 59,3%, северо-восток Южной Азии — 58,4%, волго-камский регион — 58,2%, Карпато-Балканы — 57,8%, Западная Европа — 56%, Средняя Европа — 52,8%, Северная Европа — 52%

Fig. 5. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in Iran and Central Asia. Near East — 76,2%, Turkestan — 73,5%, Middle India — 70,2%, South Asia — 70,1%, Asia Minor and Southern Caucasus — 68,9%, Myanmar and Southeast Asia — 65,8%, Northern Caucasus — 64,8%, Southern Europe — 63,1%, Southern Siberia and Mongolia — 59,3%, Northeast India — 58,4%, Middle Volga and Kama — 58,2%, Carpathians and the Balkans — 57,8%, Western Europe — 56%, Middle Europe — 52,8%, Northern Europe — 52%

Число совпадений с ирано-среднеазиатским набором мотивов во всех регионах выше числа центральноазиатских и колеблется от 52% в Северной Европе до 70–76% в Передней Азии, Туркестане и Индии, тогда как доля центральноазиатских — от 47% до чуть менее 60%, лишь в Туркестане превышая 70%. В европейских регионах разница в пользу Ирана находится в пределах 2–5%. Почти на столько же доля иранских аналогий в Центральной Азии (59,3%) выше доли центральноазиатских в Иране и Средней Азии (57,1%). То, что связи европейских наборов мотивов тянутся, с одной стороны, на юго-восток в мусульманский и индуистский мир, а с другой — в мир степных кочевников на востоке, подтверждается распределением многих десятков, если не сотен отдельных мотивов. Однако без статистики на одних лишь конкретных примерах подобные выводы обосновать невозможно.

Хотя доля иранских соответствий в Малой Азии выше этой доли в Западном Средиземноморье почти на 6%, такая же разница по сравнению с Западной Европой, где малоазийских совпадений меньше, составляет 13%, что соответствует исторической ситуации от Омейядов до Османов. Вместе с тем на завоеванных турками Балканах доля иранских соответствий лишь немного выше, чем во Франции и Германии. Это может объясняться высокой сохранностью на Балканах античных мотивов, что при подсчетах снижает долю заимствований. Возможно, что по той же причине она на Балканах низка и для центральноазиатских соответствий.

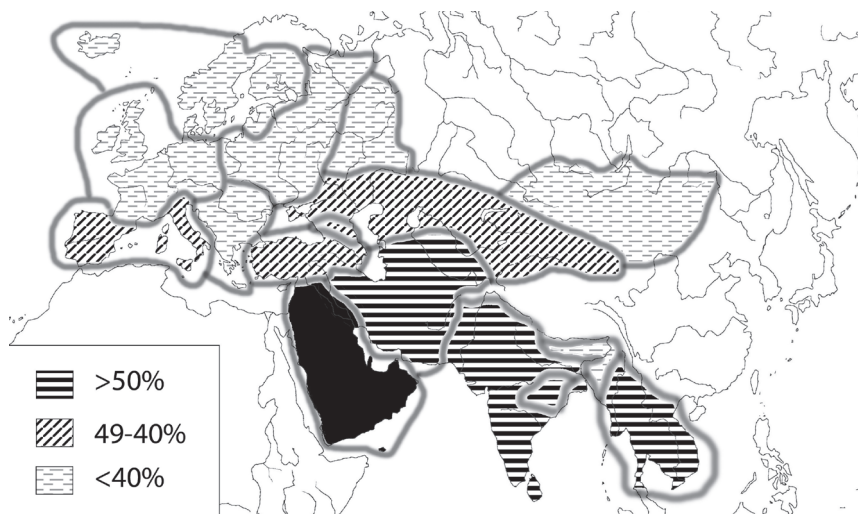
Нет сомнений, что в условиях долговременных и становившихся все более интенсивными трансевразийских связей региональные наборы мотивов обогащались. При этом не только мотивы центральноазиатско-туркестанского и переднеазиатско-ирано-индийского происхождения проникали в Европу, но и Европа воздействовала на другие регионы. Чтобы оценить, насколько такое воздействие было значительным, посмотрим на распределение межрегиональных соответствий с европейской стороны, сделав референтным западноевропейский кластер (ил. 6).

Ил. 6. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в Западной Европе. Южная Европа — 84%, Северная Европа — 72%, Карпато-Балканы — 71,8%, Средняя Европа — 71,4%, Передняя Азия — 71%, Юго-Восточная Азия — 67,9%, волго-камский регион — 67,4%, Южная Азия — 66,6%, Средняя Индия — 65,1%, Иран и Средняя Азия — 64,4%, Малая Азия и Южный Кавказ — 63,8%, Северный Кавказ — 63,5%, северо-восток Южной Азии — 59,9%, Южная Сибирь и Монголия — 57,7%, Туркестан — 56,9%

Fig. 6. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in Western Europe. Southern Europe — 84%, Northern Europe — 72%, Carpathians and the Balkans — 71,8%, Middle Europe — 71,4%, Near East — 71%, Myanmar and Southeast Asia — 67,9%, Middle Volga and Kama — 67,4%, South Asia — 66,6%, Middle India — 65,1%, Iran and Central Asia — 64,4%, Asia Minor and Southern Caucasus — 63,8%, Northern Caucasus — 63,5%, Northeast India — 59,9%, Southern Siberia and Mongolia — 57,7%, Turkestan — 56,9%

В этом случае Южная Европа оказывается очень близка Западной, представляя с ней единый культурный регион. Соответствует ожиданию и тот факт, что скандинавы, балты и прибалтийские финны чуть ближе к Западной Европе, чем славяне, а вся территория от Балкан до Скандинавии по отношению к Западной Европе представляет собой ее ближнюю периферию. В этом смысле как славяне, так и народы Карпато-Балкан — более «европейцы» (доля совпадений с Западной Европой выше 70%), чем народы Поволжья и Кавказа (доля совпадений менее 70%). Разумеется, статистика предоставляет данные, усредненные во времени и пространстве. Можно допустить, что в Восточной Европе выявленная картина сформировалась в ходе усиления контактов с Западной Европой, начиная с XIV в., тем более что славянский кластер включает не только Московию, но также Новгород, Псков, Белоруссию, Украину и Польшу. В карпато-балканском кластере также объединены как традиции, веками находившиеся под контролем Порты, так и территории с католическим населением. Как бы то ни было, но центральноазиатское влияние оказалось в этих регионах слабее, а западноевропейское — сильнее, чем это ожидалось интуитивно.

Ил. 7. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в Передней Азии. Иран и Средняя Азия — 57,1%, Средняя Индия — 53%, Южная Азия — 50,6%, Юго-Восточная Азия — 50,4%, Туркестан — 48%, Малая Азия и Южный Кавказ — 45,7%, Южная Европа — 44%, Северный Кавказ — 40,4%, северо-восток Южной Азии — 39,4%, Карпато-Балканы — 36,9%, волго-камский регион — 36,7%, Западная Европа — 37%, Северная Европа — 34,8%, Южная Сибирь и Монголия — 34,8%, Средняя Европа — 34%

Fig. 7. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in the Near East. Iran and Central Asia — 57,1%, Middle India — 53%, South Asia — 50,6%, Myanmar and Southeast Asia — 50,4%, Turkestan — 48%, Asia Minor and Southern Caucasus — 45,7%, Southern Europe — 44%, Northern Caucasus — 40,4%, Northeast India — 39,4%, Carpathians and the Balkans — 36,9%, Middle Volga and Kama — 36,7%, Western Europe — 37%, Northern Europe — 34,8%, Southern Siberia and Mongolia — 34,8%, Middle Europe — 34%

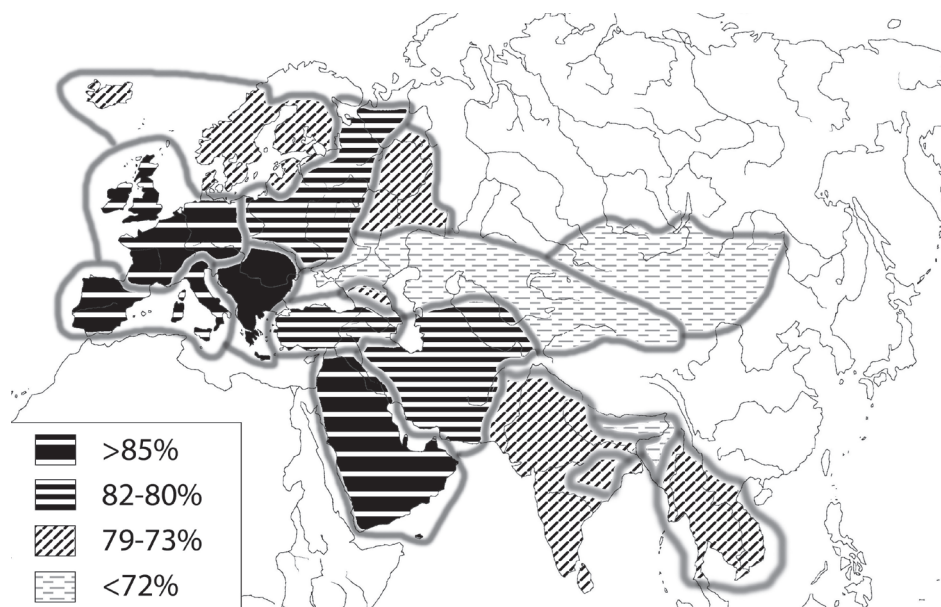
Обращает на себя внимание обилие аналогий между арабскими традициями Передней Азии, с одной стороны, и Южной, а также Западной Европой, с другой. Арабские традиции Передней Азии представлены в основном левантийским и иракским фольклором. Публикаций по Аравии, Йемену, Сокотре и странам Залива намного меньше. В случае с европейскими параллелями речь может идти как о контактах времени Крестовых походов, так и об эпохе арабских завоеваний. Не исключено, что Передняя Азия являлась скорее передаточным звеном между Европой и Ираном, нежели значимым центром распространения новых мотивов. Это следует из подсчета аналогий мотивам, зафиксированным у арабов Передней Азии, мотивам других региональных кластеров (ил. 7).

Соответствующие цифры межрегиональных совпадений в данном случае намного ниже, чем в предыдущих. Основные связи тянутся в Иран и с меньшей интенсивностью в Индию и далее на восток, что и следовало ожидать, учитывая историю региона с эпохи арабской экспансии, если не раньше. Как и на предыдущей схеме, связи с Западным Средиземноморьем, отраженные в числе общих мотивов, интенсивнее, чем с Балканами и Западной Европой. Связи с Восточной Европой и Центральной Азией слабы и опосредованы (через Туркестан).

Балканы и Восточная Европа

Картина, однако, меняется, если в качестве референтного кластера выбрать Карпато-Балканы (ил. 8). Связи с Западной и Южной Европой (87–85% совпадений) сочетаются теперь с сильными связями с Передней Азией. И если всего лишь около 37% карпато-балканских мотивов имеют в этом регионе соответствия, то доля переднеазиатских мотивов, имеющих соответствия в карпато-балканском регионе, достигает 88%. Ни для одной другой пары поздних региональных традиций нет столь заметного расхождения. Это можно объяснить, с одной стороны, разницей в общем числе мотивов (695 в карпато-балканском регионе и 292 в Передней Азии), а с другой — интенсивным культурным обменом между Балканами и Левантом (напрямую или через Египет). Асимметрия возникает из-за того, что для Карпато-Балкан переднеазиатские связи не были единственными, но почти все, что оказалось в Передней Азии (в том числе попавшее туда из Ирана) далее было передано на Балканы.

Сказанное — гипотеза. Понятно, что данные касательно мотивов, общих для тех или иных регионов, не позволяют однозначно решить, в каком направлении и из каких источников они распространялись — допустимы лишь более или менее вероятные предположения. Возможно, что-то удастся определить точнее, используя специальные программы. Моя же задача, как было подчеркнуто, состоит сейчас в выявлении новой информации. Мы находимся в начале работы, и довести ее до конца сам я вряд ли успею.

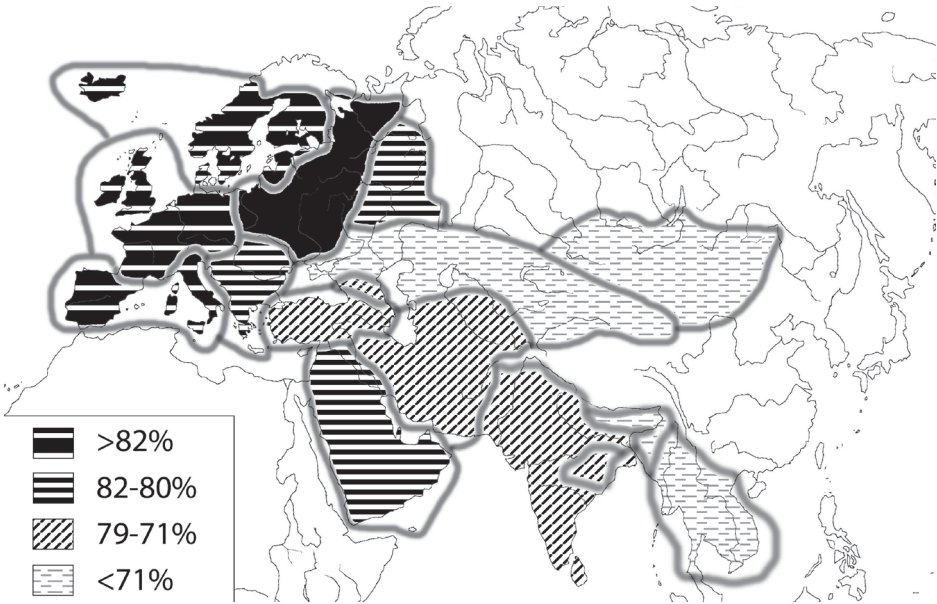

Ил. 8. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в карпато-балканском регионе. Передняя Азия — 88%, Южная Европа — 87,3%, Западная Европа — 85,4%, Средняя Европа — 81,1%, Малая Азия и Южный Кавказ — 80,8%, Иран и Средняя Азия — 78,7%, Северная Европа — 78,6%, Южная Азия — 77,9%, волго-камский регион — 77,5%, Северный Кавказ — 76,5%, Юго-Восточная Азия — 75,4%, Средняя Индия — 74,8%, Туркестан — 71,1%, северо-восток Южной Азии — 68,1%, Южная Сибирь и Монголия — 66,3%

Fig. 8. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in the Carpathians and the Balkans. Near East — 88%, Southern Europe — 87,3%, Western Europe — 85,4%, Middle Europe — 81,1%, Asia Minor and Southern Caucasus — 80,8%, Iran and Central Asia — 78,7%, Northern Europe — 78,6%, South Asia — 77,9%, Middle Volga and Kama — 77,5%, Northern Caucasus — 76,5%, Myanmar and Southeast Asia — 75,4%, Middle India — 74,8%, Turkestan — 71,1%, Northeast India — 68,1%, Southern Siberia and Mongolia — 66,3%

Карпато-балканский регион — наиболее богатый в нашей выборке по числу мотивов (696), причем, скорее всего, это касается также и групп мотивов, которые в статье не рассматриваются. Принимая во внимание данные по всем 1029 представленным в нашей базе данных традициям, допустимо утверждать, что Карпато-Балканы — самый богатый по набору мотивов регион не только в Западной Евразии, но и в мире. Примерно на том же уровне по числу мотивов рассматриваемых групп находятся славянские традиции Средней Европы (695 в нашей выборке). Следом за ними идут Северная Европа (687 мотивов) и Северный Кавказ (639). Для крупных народов Индии, а также Передней и Юго-Восточной Азии цифры намного меньше — 425, 292 и 240 мотивов соответственно. Ранее при картографировании космологических и этиологических мотивов, ко-

торые могут иметь древнее африканское происхождение, территория от Эгеиды до Балтики тоже продемонстрировала более высокую концентрацию соответствующих аналогий, чем остальные районы континентальной Евразии [Березкин 2021]. Аналогичная (от Эгеиды до Балтики) концентрация мотивов прослеживается при картографировании интерпретаций объектов ночного неба [Березкин 2022b: 176–178].

Ил. 9. Доля мотивов региональных традиций, имеющих соответствия в Средней Европе (восточные славяне, словаки, поляки). Северная Европа — 84,4%, Западная Европа — 84,4%, Южная Европа — 83,6%, Передняя Азия — 81,5%, Карпато-Балканы — 81%, волго-камский регион — 80,9%, Южная Азия — 77,1%, Средняя Индия — 73,4%, Малая Азия и Южный Кавказ — 73%, Северный Кавказ — 72,6%, Иран и Средняя Азия — 71,8%, Юго-Восточная Азия — 70,4%, Туркестан — 69,4%, северо-восток Южной Азии — 68,1%, Южная Сибирь и Монголия — 67,7%

Fig. 9. Percent of motifs registered in selected regions which have correspondences in Middle Europe (East Slavs, Slovaks, Poles). Northern Europe — 84,4%, Western Europe — 84,4%, Southern Europe — 83,6%, Near East — 81,5%, Carpathians and the Balkans — 81%, Middle Volga and Kama — 80,9%, South Asia — 77,1%, Middle India — 73,4%, Asia Minor and Southern Caucasus — 73%, Northern Caucasus — 72,6%, Iran and Central Asia — 71,8%, Myanmar and Southeast Asia — 70,4%, Turkestan — 69,4%, Northeast India — 68,1%, Southern Siberia and Mongolia — 67,7%

Описанная концентрация мотивов почти любых категорий характерна как для Карпато-Балкан, так и для Средней Европы. Посмотрим на картину распределения по другим регионам тех соответствий, которые обнаружены в славянских традициях. Результаты подсчетов, отраженные на ил. 9, подтверждают картину, полученную при оценке связей для Западной Европы (ил. 5), но делают ее ярче. Славянские традиции намного

ближе традициям Атлантической и Центральной Европы, нежели миру степей. Эта тенденция не связана с тем, что в средневропейский кластер включены не только восточные славяне, но и часть западных. Распространение многих мотивов от Пиренеев на северо-восток вплоть до русского Севера было давно замечено, но сейчас это удалось подтвердить статистически. Для волго-камского региона сходство с Западной Европой менее выражено, но тоже значительно. Доля западноевропейских соответствий в местном наборе мотивов составляет 68,6%, а доля туркестанских меньше — 57,7%. Если бы за западные связи Средней Европы были ответственны только нарративы, записанные на территории Польши, Словакии, Украины и Белоруссии, а в Центральной России преобладали бы заимствования с востока, на Средней Волге и Каме тем более можно было бы ожидать бóльшую близость к степным традициям.

Обсуждение и выводы

Учитывая многочисленные миграции тюркских и монгольских народов с их азиатской прародины, я долгое время предполагал особую роль Центральной Азии в формировании фольклора Европы [Березкин 2016; 2018; 2020; Berezkin 2016]. Полученные сейчас результаты свидетельствуют о том, что роль иранского компонента была не только не меньшей, но даже несколько большей. Вместе с тем центральноазиатский компонент также значителен, и вклад обоих регионов в поздний европейский фольклор намного превосходит античное наследие.

На всех приведенных схемах наборы мотивов в Великой Степи и Южной Сибири значительно отличаются от европейских. Что касается южных регионов Азии, то в одних случаях Туркестан и Южная Сибирь — Монголия от них обособлены, а в других случаях все азиатские традиции противостоят европейским. Неожиданными стали значительно более интенсивные связи славянских традиций Восточной Европы с западноевропейскими, чем со степными. Это важный вывод, имеющий отношение к серьезной исторической проблематике. Распространение мотивов устных традиций не зависит напрямую от религиозных и политических факторов, а отражает степень интенсивности контактов между людьми. Перед нами объективный показатель, а не результат логических спекуляций.

Дискуссионен вопрос относительно возможной роли тех синхронных античным, но не зафиксированных письменными источниками европейских традиций, которые существовали к северу и западу от Восточного Средиземноморья. Если сравнить долю западноевропейских мотивов, не имеющих соответствий в Центральной Азии или Иране, то она в обоих случаях выше доли иранских или центральноазиатских мотивов, не имеющих соответствий в Европе. Чтобы определить эти цифры, достаточно вычесть из ста процентов проценты совпадений. Доля центральноазиатских совпадений в Западной Европе чуть более 40%, а иранских — 56%; западноевропейских в Центральной Азии около 58%, а в Иране — почти 65,5%. Это значит, что среди западноевропейских мотивов 60% не имеют

соответствий в Передней Азии и 44% — в Центральной Азии, тогда как в Центральной Азии отмечено 42% мотивов, аналогии которым в Западной Европе не известны, а в Иране таковых 34,5%.

Эти результаты можно интерпретировать двояко. С одной стороны, как свидетельство сильного влияния Азии на европейский фольклор (большая часть того, что было в Монголии или Иране, затем оказалось в Европе). С другой стороны, европейский фольклор хоть и насыщен восточными параллелями, но не утратил своеобразие и содержит много мотивов, в Иране или Монголии не известных. Здесь зафиксировано больше мотивов, которые не могли быть заимствованы ни из Центральной Азии, ни из исламского мира, чем в Центральной Азии и Иране таких, которые не могли распространиться из Европы. Как и когда эти европейские мотивы возникли, сказать невозможно, но существенная роль не описанных в ранних источниках местных традиций допустима [Березкин 2022a]. Есть ли среди них те, которые были первоначально связаны еще с местными мезолитическими охотниками, с расселившимися из Анатолии неолитическими земледельцами и, наконец, с индоевропейскими потомками носителей ямной культуры, определить невозможно — по крайней мере пока.

Некоторое время назад в рамках гранта РНФ мы получили возможность работать вместе с группой востоковедов во главе с выдающимся семитологом Л. Е. Коганом над выделением фольклорно-мифологических мотивов в древних переднеазиатских текстах. К некоторому разочарованию, число таких мотивов оказалось невелико. После завершения проекта в нашей базе данных оказалось всего лишь 33 угаритских мотива, 63 аккадо-ассиро-вавилонских и 51 шумерский. Даже из Библии (в основном из Ветхого Завета) удалось извлечь лишь 73 мотива. Число опознанных мотивов в древнеегипетских источниках — того же порядка (61). Для сравнения, у берберов Алжира (в основном у кабилы) число мотивов достигает 382, у арабов Леванта — 434, у курдов — 307, а у болгар — 724 (это мировой максимум). В данном случае речь идет о всех мотивах, а не только о группах, которые были рассмотрены в этой статье.

Возник вопрос, вызвана ли бедность древних традиций недостатком источников или чем-то иным. Источники, конечно же, фрагментарны, но работа над статьей заставила усомниться в том, что это единственная причина. Как хорошо известно со времен Э. Тайлора, элементы культуры не самозарождаются, не создаются «гением народа», а всего лишь копируются [Tylog 1871: 1]. Любой процесс репликации сопряжен с ошибками, что приводит к появлению новых форм. В не связанных информационным обменом традициях случайно возникают разные формы. Обмен информацией между ранее независимыми традициями — главный механизм, ответственный за обогащение культуры.

Фольклор юго-западной половины Евразии, значительная часть которого представлена жанрами, не имеющими ясной установки на достоверность (что облегчает пересечение этнокультурных границ), представляет собой уникальное явление мировой культуры. С. Томпсон это осознавал, когда писал о сказочном фольклоре, распространенном от Ирландии

до Индии, иногда называя это пространство «Западной цивилизацией» (термин, конечно, условный) [Thompson 1946: vii, 14–20, 297]. При этом американский филолог не слишком интересовался историей, да и сама история была в его время известна значительно хуже, чем в наши дни. Почувствовав, что имеет дело с уникальным феноменом, Томпсон не мог поместить его в исторический контекст и рассматривал как совершенно особую часть культуры. Между тем вполне вероятно, что прогрессирующее обогащение устных традиций юго-западной половины Евразии на протяжении тысячелетий — такой же важный по своим последствиям процесс, как и появление колеса и металлургии бронзы, а затем колесницы и железа или же возникновение авраамических религий. Все это происходило на сравнительно ограниченной территории. В пределах ее находится также и современный Курдистан, где в финальном плейстоцене появились первые монументальные сооружения, свидетельствующие о кардинальном усложнении общества. Связаны ли все эти явления между собой, нельзя ни опровергнуть, ни доказать, но определенная корреляция между ними в пространстве и времени существует.

Источники

- Дыренкова 1940 — Шорский фольклор / Записи, пер., вступ. ст. и примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940.
- Младшая Эдда 1970 — Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1970.

Указатели

- Березкин, Дувакин б. д. — Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Электронный аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. [Последнее обновление в декабре 2024 г.]
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1979.
- Aarne 1910 — *Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1910.
- Aarne 1928 — *Aarne A. The types of the folktale: A classification and bibliography* / Trans. and enl. by S. Thompson. New York: B. Franklin, 1928.
- Aarne, Thompson 1964 — *The types of the folktale: A classification and bibliography*. Antti Aarne's *Verzeichnis der Märchentypen* (FF Communications No. 3) / Trans. and enl. by S. Thompson. 2nd rev. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1964.
- Uther 2004 — *Uther H.-J. The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. Pt. 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Литература

- Белова 2004 — Белова О. В. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М.: Индрик, 2004.

- Березкин 2015а — *Березкин Ю.* Зооморфная опора земли и вишапы — противники громовержца // Каменные стелы вишапы / Ред. А. Петросян, А. Бобохян. Ереван: Гитутион, 2015. С. 59–80.
- Березкин 2015б — *Березкин Ю.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. № 26. 2015. С. 153–170.
- Березкин 2016 — *Березкин Ю.* Восточнославянский фольклор в европейском и евразийском контексте (результаты статистической обработки данных) // Антропологический форум. № 31. 2016. С. 9–24.
- Березкин 2018 — *Березкин Ю. Е.* Сибирь и Центральная Азия как инновационный регион (материалы фольклора) // Антропологический форум. № 39. 2018. С. 33–51. <http://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-14-39-33-51>.
- Березкин 2020 — *Березкин Ю. Е.* Восточнославянский фольклор в евразийском контексте // Славяноведение. 2020. № 6. С. 41–55. <http://doi.org/10.31857/S0869544X0012105-8>.
- Березкин 2021 — *Березкин Ю. Е.* Африканское наследие в мифологии // Антропологический форум. № 48. 2021. С. 91–114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-91-114>.
- Березкин 2022а — *Березкин Ю. Е.* Некоторые ранние мотивы в фольклоре Европы // Антропологический форум. № 53. 2022. С. 14–39. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-53-15-39>.
- Березкин 2022б — *Березкин Ю. Е.* Рождение звездного неба. Мифология космоса. М.: АСТ, 2022.
- Березкин 2023 — *Березкин Ю. Е.* Шумерская поэма о Лугальбанде и параллели к одному из ее эпизодов // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 211–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060131>.
- Березкин 2024 — *Березкин Ю. Е.* Палеоиндейский, восточноазиатский и сибирский компоненты арктических устных традиций // *Camera praehistorica*. 2024. № 2 (13). С. 8–23. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-2-8-23>.
- Васильев и др. 2015 — *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г., Пейрос И. И., Слободин С. Б., Табарев А. В.* Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Васильков 1987 — *Васильков Я. В.* Индийский эпос и рыцарский роман Европы: сходные мотивы // Индия 1985–1986: Ежегодник / [Гл. ред. И. В. Куцобин]. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. С. 250–269.
- Дувакин 2018 — *Дувакин Е. Н.* Греко-латинско-кавказские связи в области мифологии на евразийском фоне // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXII (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., проходившей 18–20 июня 2018 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Полумом 1. СПб.: Наука, 2018. С. 452–463. <https://doi.org/10.30842/IELCP230690152235>.
- Зайцев 1984 — *Зайцев А. И.* К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. науч. тр. / Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, Ленингр. отд-е. С. 69–77.
- Berezkin 2016 — *Berezkin Yu.* Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based on computing of folklore motifs // *Trames: Journal of Humanities and Social Sciences*. Vol. 20. No. 3. 2016. P. 217–227. <https://doi.org/10.3176/TR.2016.3.01>.
- Berezkin, Duvakin 2016 — *Berezkin Yu., Duvakin E.* The captive khan and the clever daughter-in-law // *Folklore*. Vol. 64. 2016. P. 33–56. <https://doi.org/10.7592/FEJF2016.64.khan>.
- Boas 1895 — *Boas F.* Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas. Berlin: Asher, 1895.

- Boas 2002 — Indian myths and legends from the North Pacific coast of America: A translation of Franz Boas' 1895 edition of *Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas* / Ed. and annot. by R. Bouchard, D. Kennedy; Trans. by D. Bertz. Vancouver: Talonbooks.
- Hanus, Smagur 2020 — *Hanus K., Smagur E.* Kattigara of Claudius Ptolemy and Óc Eo: The issue of trade between the Roman Empire and Funan in the Graeco-Roman written sources // EurASEAA14. Vol. 1: Ancient and living traditions: Papers from the Fourteenth International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists / Ed. by H. Lewis. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 140–145.
- Kroeber 1908 — *Kroeber A. L.* Catch-words in American mythology // *Journal of American Folklore*. Vol. 21. No. 81–82. 1908. P. 222–227.
- Lowie 1908a — *Lowie R. H.* Catch-words for mythological motifs // *Journal of American Folklore*. Vol. 21. No. 80. 1908. P. 24–27.
- Lowie 1908b — *Lowie R. H.* The test-theme in North American mythology // *Journal of American Folklore*. Vol. 21. No. 81–82. 1908. P. 97–148.
- Thompson 1946 — *Thompson S.* The folktale. New York: The Dryden Press, 1946.
- Tylor 1871 — *Tylor E. B.* Primitive culture: Research into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom. Vol. 1. London: John Murray, 1871.

References

- Belova, O. V. (2024). “*Narodnaia Bibliia*”: *Vostochnoslavijskie etnologicheskie legendy* [“Folk Bible”: East Slavic etiological legends]. Indrik. (In Russian).
- Berezkin, Yu. (2015a). Zoomorfnaiia opora zemli i vishapy — protivniki gromoverzhtsa [Zoo-morphic support of the earth and the Vishaps, adversaries of the Thunder-god]. In A. Petrosian, & A. Bobokhian (Eds.). *Kamennye stely vishapy* (pp. 59–80). 2015. (In Russian).
- Berezkin, Yu. (2015b). Spread of folklore motifs as information exchange, or About the border-line between West and East. *Forum for Anthropology and Culture*, 24, 153–170. (In Russian).
- Berezkin, Yu. (2016a). Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based on computing of folklore motifs. *Trames: Journal of Humanities and Social Sciences*, 20(3), 217–227. <https://doi.org/10.3176/TR.2016.3.01>.
- Berezkin, Yu. (2016b). East Slavic folklore in the European and Eurasian context (Results of the statistical processing of data). *Forum for Anthropology and Culture*, 31, 9–24. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2018). Siberia and Central Asia as a region of innovations (Folklore data). *Forum for Anthropology and Culture*, 39, 33–51. <http://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-14-39-33-51>. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2020). Vostochnoslavijskii fol’klor v evrazijskom kontekste [East Slavic folklore in the Eurasian context]. *Slavianovedenie*, 2020(6), 41–55. <http://doi.org/10.31857/S0869544X0012105-8>. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2021). African heritage in mythology. *Forum for Anthropology and Culture*, 48, 91–114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-91-114>. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2022a). Some early motifs in European folklore. *Forum for Anthropology and Culture*, 53, 14–39. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-53-15-39>. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2022b). *Rozhdenie zvezdnogo neba. Mifologija kosmosa* [The birth of the starry sky. Mythology of the cosmos]. AST. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2023). Sumerian poem about Lugalbanda and parallels for one of its episodes. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023(6), 211–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060131>. (In Russian).
- Berezkin, Yu. E. (2024). Paleoindian, East Asian and Siberian components of the Eskimo oral traditions. *Camera praehistorica*, 2024(2, no. 13), 8–23. <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-2-8-23>. (In Russian).

- Berezkin, Yu., & Duvakin, E. (2016). The captive khan and the clever daughter-in-law // *Folklore*, 64, 33–56. <https://doi.org/10.7592/FEJF2016.64.khan>.
- Boas, F. (1895). *Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas*. Asher.
- [Boas, F.] (2002) *Indian myths and legends from the North Pacific coast of America: A translation of Franz Boas' 1895 edition of Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas* (R. Bouchard, & D. Kennedy, Eds. & Annot., D. Bertz, Trans.). Talonbooks.
- Duvakin, E. N. (2018). Ancient Greek — Latin — Caucasian Mythological Links in the Eurasian context. In N. N. Kazanskii (Ed.). *Indo-European linguistics and classical philology-XXII (Joseph M. Tronsky memorial Conference): Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 18–20 June, 2018* (Pt. 1, pp. 452–463). Nauka. <https://doi.org/10.30842/IELCP230690152235>. (In Russian).
- Hanus, K., & Smagur, E. (2020). Kattigara of Claudius Ptolemy and Óc Eo: The issue of trade between the Roman Empire and Funan in the Graeco-Roman written sources. In H. Lewis (Ed.). *EurASEAA14, Vol. 1: Ancient and living traditions: Papers from the Fourteenth International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists* (pp. 140–145). Archaeopress.
- Kroeber, A. L. (1908). Catch-words in American mythology. *Journal of American Folklore*, 21(81–82), 222–227.
- Lowie, R. H. (1908a). Catch-words for mythological motifs. *Journal of American Folklore*, 21(80), 24–27.
- Lowie, R. H. (1908b). The test-theme in North American mythology. *Journal of American Folklore*, 21(81–82), 97–148.
- Thompson, S. (1946). *The folktale*. The Dryden Press.
- Tylor, E. B. (1871). *Primitive culture: Research into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom* (Vol. 1). John Murray.
- Vasil'ev, S. A., Berezkin, Yu. E., Kozintsev, A. G., Peiros, I. I., Slobodin, S. B., & Tabarev, A. V. (2015). *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Peopling of the New World: A multidisciplinary study]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Vasil'kov, Ia. V. (1987). Indiiskii epos i rytsarskii roman Evropy: skhodnye motivy [Indian epic and European chivalric romance: similar motifs]. In I. V. Kutsobin (Ed.). *Indiia 1985–1986: Ezhegodnik* (pp. 250–269). Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva “Nauka”. (In Russian).
- Zaitsev, A. I. (1984). K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoi skazki [On the origin of the fairy tale]. In B. N. Putilov (Ed.). *Fol'klor i etnografiia: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 69–77). Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the author

Юрий Евгеньевич Березкин

доктор исторических наук
заведующий отделом Америки, Музей
антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 3
✉ berezkin1@gmail.com

Yuri Evgen'yevich Berezkin

Dr. Sci. (History)
Head of American Department, Peter
the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, Saint Petersburg,
Universitetskaya Emb., 3
✉ berezkin1@gmail.com